

БЛАЖЕННЫЙ СИМОНЪ ЮРЬВЕЦКІЙ ¹⁾.

Видите узкими врата, яко пространная грати и широкіи путь вводяи въ пагубу, и мнози суть входящійи имъ. Что узкая врата и тѣсный путь вводяи въ животъ, и мало ихъ естъ, иже обрѣтають его. (Матѣ. 7, 13—14).

КЕВ, 1892, № 20,
отд. II часть неоф.

Въ Костромской губерніи есть уѣздный г. Юрьевецъ-Поволжскій, основанный въ XIII вѣкѣ благовѣрнымъ великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Здѣсь въ числѣ нѣсколькихъ храмовъ находится и Богоявленская приходская церковь, расположенная на склонѣ горы. Но не всегда Богоявленская церковь была тѣмъ, чѣмъ она нынѣ. Въ прежнее время здѣсь существовалъ мужскій монастырь, неизвѣстно кѣмъ и когда основанный, но неоднократно подвергавшійся упраздненію. Такъ, напр., въ 1719 г. онъ былъ упраздненъ въ первый разъ. Въ 1728 г., по указу Московской духовной дикастеріи, Богоявленскій монастырь былъ возстановленъ снова; но существовалъ не долго: въ 1741 году обитель была уже приходскою церковью ²⁾. Въ настоящее время отъ монастыря уцѣлѣла одна только церковь, въ которой подъ поломъ, находится каменная палатка съ гробницею блаженнаго Симона Юрьвецкаго, освѣщенная нѣсколькими лампадкама. Жизнь блаженнаго вполне заслуживаетъ того, чтобы она не была сокрыта отъ ревностныхъ читателей отечественныхъ святыхъ. Прослѣдимъ же ее, насколько это окажется возможнымъ для насъ.

Родиною блаженнаго Симона было село Одѣлево, Нерехтскаго уѣзда Костромской губерніи, недалеко отъ заштатнаго г.

¹⁾ Житіе блаж. Симона мы встрѣчаемъ у Филарета, Архіеп. Черниговскаго и А. Н. Муравьева подъ 4 ноябрю.

²⁾ Блаженный Симонъ Юрьвецкій. Протоіерея Іоанна Поспѣлова. Кострома 1879 г. стр. 41. Истор. Зап. о Крив. II. I. Фил. М. 1862 года, стр. 7.

Плеса ¹⁾. Родители его Родіонъ и Марія были простые поселяне, въ тишинѣ сельской жизни занимавшіеся своимъ скромнымъ хозяйствомъ. Когда у нихъ родился сынъ, они нарекли его во св. крещеніи Симономъ, въ честь апостола Симона Зилота, память коего празднуется св. церквью 10 мая. Годъ рожденія блаженнаго Симона неизвѣстенъ. Какъ и прочія дѣти его возраста, Симонъ помогаль родителямъ въ ихъ занятіяхъ. Онъ былъ необыкновенно трудолюбивъ. Памятникомъ его любви къ труду служить колодезь, ископанный, по мѣстному преданію, имъ самимъ и находящійся не вдалекѣ отъ часовни близъ с. Одѣлева. Лѣта текли, и Симонъ возмужаль уже настолько, что могъ быть хорошимъ семьяниномъ. Сверстники его многіе уже женились; но Симонъ не былъ расположенъ къ брачной жизни: не то было у него на душѣ. Онъ полюбилъ дѣвственную жизнь и, быть можетъ, избѣгая принужденія со стороны своихъ родителей дать свое согласіе на женитьбу, рѣшился принять на себя трудный подвигъ юродства Христа ради.

И вотъ тайно отъ родныхъ и знакомыхъ, ничего не взявъ съ собою, кромѣ одной рубашки, въ которой онъ ходилъ, и то худой, ни кому не сказавъ ни слова, Симонъ удалился въ пустынный и непроходимый лѣсъ. Здѣсь не жилъ онъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, а постоянно переходилъ изъ одной мѣстности въ другую. Какъ человѣкъ, онъ, конечно, требоваль себѣ пищи. Что же служило ему для удовлетворенія этой естественной потребности? Вѣроятно, трава, растущая въ лѣсу, или что-либо подобное. Не имѣя ни крова, ни одежды, Симонъ много претерпѣль лишеній въ этотъ непродолжительный періодъ времени. Голодь и холодъ, совершенное одиночество и устрашенія невиди-

¹⁾ Впрочемъ о. Іоаннъ Пестельовъ полагаетъ родиною Симона не самое Одѣлево, а мѣсто близъ него, на которомъ когда-то стояла деревня Братское и гдѣ нынѣ находится часовня, устроенная въ память блаженнаго.

мыхъ враговъ повсюду преслѣдовали его. Но блаженный, разъ уже рѣшившись посвятить себя этой многотрудной жизни, не поколебался въ своемъ намѣреніи. Огражденіе спасительнымъ знаменіемъ креста Христова, теплая и усердная молитва, служа утѣшеніемъ для юнаго подвижника, вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняли его отъ злобы демоновъ. Такъ, скитаясь изъ одного мѣста въ другое, Симонъ самъ не зналъ, гдѣ онъ находится. Оказалось, что твердый духомъ юноша, подобно Аврааму оставившій домъ отчий ради благоугожденія Богу, жилъ не вдалекѣ отъ Юрьевца-Поволгскаго, уйдя отъ роднаго жилища верстъ за сто. Ближайшимъ селеніемъ къ мѣсту нахожденія его было село Елнать. Здѣсь суждено было блаженному провести нѣсколько лѣтъ своей жизни.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ произошло поселеніе Симона въ с. Елнатскомъ. Однажды, нѣкоторые изъ Елнатскихъ жителей, отправляясь въ лѣсъ для рубки деревьевъ, увидѣли скитавшагося тамъ человѣка, никому изъ нихъ неизвѣстнаго. Онъ былъ весь въ лохмотьяхъ, полунагой и изможденный. „Кто ты такой?“ спросили они его. „Откуда и какъ попалъ сюда?“ Но на всѣ ихъ вопросы незнакомецъ отвѣчалъ только одно: „Симонъ, Симонъ...“ Больше онъ ничего не говорилъ имъ. И дѣйствительно это былъ онъ. Рубашка, въ которой бѣжалъ онъ изъ дому, вся изодралась отъ скитальческой жизни, и вотъ поэтому-то и нашли его крестьяне въ такомъ жалкомъ положеніи. Простые поселяне не знали, что имъ дѣлать съ Симономъ, но не рѣшились однако оставить его на произволь судьбы. Полагая, что онъ лишенъ разума, они повели его къ своему священнику и рассказали о встрѣчѣ съ нимъ. Тронулось сердце добраго пастыря, выслушавшаго незагнѣйливый рассказъ поселянъ. Кроткій видъ и жалкое положеніе юноши навели отца Іосифа, — такъ звали священника, — на мысль оставить его при себѣ для исполненія разныхъ хозяйственныхъ потребностей. И такъ Симонъ остался въ домѣ священника Іосифа. Онъ безпрекословно и послушливо занимался пору-

чаемую ему работою: такъ, напр., рубилъ въ лѣсу дрова и носилъ ихъ на своихъ раменахъ, молоть въ ручныхъ жерновахъ хлѣбъ и т. п. Но не ограничиваясь работами въ домѣ о. Иосифа, блаженный ходилъ и къ другимъ обывателямъ, услуживая имъ чѣмъ только могъ и помогая въ ихъ хозяйственныхъ трудахъ. Все это дѣлалось имъ безвозмездно, во имя христіанской любви и желанія чѣмъ можно пособить ближнему. Одеждою Симона служила одна льняная рубашка, ложемъ былъ или голый полъ или голая земля: обуви онъ никогда не употреблялъ, ходя босымъ и зимою и лѣтомъ. Не смотря на всѣ труды свои, онъ удѣлялъ частицу дня или ночи для усердной благоговѣйной молитвы. Кромѣ сего, блаженный изнурялъ тѣло свое строгимъ постомъ, дабы побѣдить страсти. Величайшимъ утѣшеніемъ въ многотрудной жизни для него было посѣщеніе храма Божія, куда онъ являлся ко всѣмъ совершавшимся тамъ службамъ. Но и здѣсь Симонъ не оставлялъ своего обычнаго юродства. Пришедъ въ церковь, онъ стоялъ въ ней неподвижно, не осѣпняя себя крестнымъ знаменіемъ, такъ что нѣкоторые думали, что онъ со всѣмъ не молится; но это только казалось. Симонъ тайно, но отъ всей своей чистой и непорочной души возсылалъ ко Господу теплыя молитвы, умоляя благодать Его о всемъ мірѣ христіанскомъ. Удѣлъ праведныхъ въ этой жизни скорби. Такъ и Симону немало пришлось перенести ихъ отъ неразумныхъ жителей Елнати. Всѣ скорби, воздвигаемыя на него ненавистникомъ добра діаволомъ, не терпѣвшимъ святаго житія Симона, блаженный переносилъ терпѣливо и подобно Іову благодарилъ Господа. „Господи, не постави имъ сего во грѣхъ!“ обыкновенно молился онъ о причинившихъ ему скорбь, и тутъ же укорялъ самого себя, произнося въ слухъ другихъ: „Симонъ, ты глупецъ, насыталъ гортань“. Глупцы смѣялись надъ добровольнымъ подвижникомъ, но были люди, которые, видя свято-подвижническую жизнь юродиваго, высоко цѣнили и глубоко уважали его. Такъ прожилъ блаженный въ Елнати 15 лѣтъ.

Что послѣ пятнадцатилѣтняго жительства въ домѣ о. Иосифа побудило Симона перейти въ г. Юрьевецъ-Поволгскій—для насъ остается тайною. Здѣсь онъ еще болѣе началъ юродствовать и терпѣть множество скорбей. Какъ и въ Елнати, Симонъ ходилъ въ Юрьевцѣ босой и въ одной разодранной рубашкѣ, постоянно получая брань и пинки отъ уличныхъ мальчишекъ. Не имѣя пристанища, онъ скитался всюду. Въ жестокіе морозы заходилъ онъ и въ корчемницы: но тамъ пьяницы, безпокойные имъ, носили блаженному тяжкіе побои, и если когда либо онъ бывалъ въ теплой одеждѣ, данной благодѣтелями, они снимали ее съ Симона, а самого выталкивали вонъ. Въ осеннія и зимнія холодныя ночи, скитался блаженный по стогнамъ града, по ледяной корѣ Волги и по другимъ мѣстамъ, часто преклоняя свои колѣна для молитвы. Отъ такой суровой жизни кожа его почернѣла и прилипла къ костямъ. Такіе подвиги несъ блаженный, но онъ вполне понималъ, что только, *претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ* (Мѡ. 10, 22), и, зная это, утѣшался чаяніемъ грядущихъ небесныхъ благъ, *ижеже уготова Богъ любящимъ Его*. Любимымъ мѣстопребываніемъ Симона была паперть того или другаго храма, преимущественно же предъ прочими онъ ходилъ въ Богоявленскій монастырь, не только въ часы богослуженія, но и въ другое время. Здѣсь на паперти стояла икона Богоматери. Предъ нею-то особенно любилъ молиться Симонъ. Самоотверженный, добровольный страдалецъ почерпалъ величайшее утѣшеніе въ молитвѣ. Она подкрѣпляла его силы, проливая въ душу какую-то неизъяснимую радость. Погрузившись въ молитву, блаженный забывалъ, что онъ на землѣ: духъ его парилъ въ небесахъ, и, какъ благовонный оуміамъ, неслись эти тихія и смиренныя моленія съ церковной паперти прямо на небо предъ престолъ Всевышняго. Что за чудныя, несравненныя минуты переживалъ Симонъ, когда всецѣло погружался въ молитву!... Лице его тогда блистало, взоръ дѣлался чище и свѣтлѣе; во всемъ существѣ его замѣчалось тогда что-то необыкновенное, неземное!..

Если у царей земных не остаются безъ вниманія и награды вѣрноподанные, тѣмъ болѣе этого никогда не можетъ быть у Царя небеснаго. Онъ, смотря по силамъ каждаго посылая искушенія, посылаетъ и избытїе, награждая отечески перенесшаго испытаніе и этимъ благоугодившаго Ему. Такъ было и съ блаженнымъ Симономъ: Господь даровалъ ему даръ прозрѣнія будущаго и даръ чудотвореній. Предъ благодатными душевными очами прозорливца не существовало завѣсы будущаго, поднятїе которой не доступно человѣку обыкновенному. Приведемъ здѣсь нѣсколько случаевъ прозорливости блаженнаго.

Однажды, юродствуя, Симонъ зашелъ въ домъ Юрьеveckаго воеводы Третьяка Трегуба, гдѣ, какъ юродивый, велъ себя повидимому крайне неприлично. Это оскорбило и возмутило воеводу, который и приказалъ своимъ слугамъ съ безчестїемъ выгнать блаженнаго изъ своего дома. Слуги, не по разуму ревностные исполнители воли начальника, бросились на Симона, били его, толкали и вообще наносили ему всевозможныя оскорбленія. Выгоняемый Симонъ, обратившись къ воеводѣ, сказалъ: „завтра у тебя съ сѣней свалится корова“. Наступилъ слѣдующій день. Жена Третьяка упала съ крыльца и убила до смерти. Въ другой разъ блаженный говорилъ: „молитесь, будетъ пожаръ“, — но никто не обратилъ вниманія на эти слова. Вскорѣ по предсказаніи святаго дѣйствительно начался въ полдень пожаръ. Тогда-то вспомнили предсказаніе Симона и побѣжали искать его. Блаженный весь въ слезахъ молился на паперти Богоявленскаго монастыря за городъ и людей. Приведенный къ воеводѣ, онъ, ударивъ его по щекѣ, за невѣріе, указалъ на самое сильное мѣсто пожара. И что-же? Огонь тотчасъ погасъ. Одинъ житель г. Юрьевца, нѣкто Іосифъ Зубаревъ, находясь въ маленькой лодкѣ среди Волги, вдругъ былъ застигнутъ бурей. Лодку бросало, какъ щепку, туда и сюда, волны свирѣпо и яростно бушевали, наполняя утлую ладю водами. Гибель была неминуема, и она по всей вѣроятности послѣдовала бы, но въ самую

опасную минуту увидѣлъ Іосифъ на берегу рѣки Симона. Святая жизнь его, конечно, была извѣстна Іосифу, и вотъ теперь, въ виду очевидной смерти, воззвалъ Зубаревъ изъ глубины сердца къ блаженному и мысленно просилъ его о помощи, общался устроить за сіе новую ему одежду и обувь. Мгновенно буря утихла, и утопающій спасся. Но, должно быть, мы готовы на всевозможныя добродѣтели въ то время, какъ надъ нами грозитъ разразиться неминуемая бѣда; а лишь только проходитъ опасность, мы забываемъ свои благія намѣренія и тѣ обѣщанія, какія даемъ тогда. Такъ было и здѣсь. Іосифъ забчлъ свой обѣтъ. Проходитъ послѣ того нѣкоторое время, и Зубаревъ встрѣчается съ Симономъ; вблизи никого нѣтъ. „Развѣ можно такъ дѣлать, другъ?“ сказалъ ему Симонъ, и затѣмъ напомнилъ Іосифу о бывшемъ съ нимъ приключеніи на водахъ Волги и о неисполненіи его обѣщанія. Глубоко раскаялся въ своемъ забвеніи и нерадѣніи Іосифъ и отъ всего сердца далъ слово Симону исполнить вскорѣ свое обѣщаніе. Но блаженный, и раньше того повергавшій подобныя дары, подаваемые ему христолюбцами, на стогнахъ града съ цѣлію доставить нищимъ бесплатную одежду или обувь, отказался и теперь отъ дара Іосифова. Въмѣсто того онъ преподалъ ему наставленіе. Блаженный сказалъ: „нищему протягивай руку твою, если хочешь, чтобы почивало на тебѣ благословеніе Божіе. О случившемся же съ тобою на Волгѣ никому не объявляй, а равно до самой моей смерти не говори и о томъ, что я въ полномъ своемъ разумѣ, какъ ты теперь узналъ, — да не готовъ мнѣ рубашки и сапоговъ; они мнѣ не нужны“.

Не мало явилъ и другихъ чудесъ и опытовъ прозорливости блаженный при жизни. Не будемъ упоминать о всѣхъ *), но скажемъ еще о двухъ очень поразительныхъ событіяхъ, явившихъ всѣмъ, до какой степени безстрастія и чистоты достигъ своею страдальческою и полною скорбей жизнью Симонъ. Въ г. Юрьевцѣ жилъ одинъ человѣкъ, по имени Петръ Сутыревъ. Однажды

*) См. подробнѣе у Муравьева и Посильова.

ночью, вышедши из дому, онъ видитъ идущаго по волнамъ Волги какого-то человѣка. Долго смотрѣлъ онъ на шедшаго, но вотъ незнакомецъ поравнялся съ Сутыревымъ и послѣдній узналъ въ немъ Симона. Ободривъ утрашеннаго Петра, Симонъ отправился въ городъ, предварительно завѣщая Петру никому не говорить о видѣнномъ дотождѣ, пока онъ, Симонъ, не умретъ. Подобное сему было замѣчено и еще разъ. Въ томъ же городѣ жилъ одинъ крестьянинъ (имени коего, къ сожалѣнію, неизвѣстно). Онъ былъ нрава тихаго, скромнаго и кроткаго; не входя въ сношенія съ людьми безнравственными, онъ и вообще удалялся отъ шума мірскаго. Скромный домикъ его стоялъ на самомъ берегу рѣки Волги, близъ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ одну тихую и теплую лѣтнюю ночь онъ прилежъ было отдохнуть отъ дневныхъ своихъ трудовъ, но благодѣтельный сонъ обѣжалъ отъ глазъ и имъ овладѣла бессонница. Онъ вышелъ на улицу прохладиться. Ночь была лунная, свѣтлая, на небѣ мелькали звѣзды. Идя улицей, дошелъ онъ и до рѣки. На противоположномъ берегу въ синевѣ ночи раскинулись лѣса, которые пріятно ласкали взоръ, брошенный на нихъ. Постоявши у рѣки, смиренный труженикъ взглянулъ на противоположный берегъ—и вотъ видитъ, что съ того берега, идетъ поверхъ воды, опираясь на палку, въ одной рубашкѣ какой-то человѣкъ, направляющійся прямо къ тому мѣсту, гдѣ онъ стоялъ. Страхъ объялъ зрителя: онъ думалъ, что это привидѣніе; но, ободривъ себя, рѣшился подождать, дабы видѣть, что будетъ дальше. И вотъ чудный путешественникъ прошелъ рѣку и поравнялся съ нимъ. Съ удивленіемъ узналъ невольный свидѣтель чуда въ пришельцѣ юродиваго Симона, но отъ страха и смущенія не зналъ что сказать. Тогда блаженный, видя его въ страхѣ, сказалъ ему: „это дѣйствительно я, а не привидѣніе“. Затѣмъ обратясь на востокъ и указывая ему на высокій холмъ противоположнаго берега Волги, гдѣ возвышался огромный сосновый боръ, пророчески сказалъ: „видишь-ли, братъ, то мѣсто, которое я показы-

ваю тебѣ? Тамъ, спустя сорокъ лѣтъ по моей смерти, изволеніемъ Божиимъ будетъ устроенъ монастырь во спасеніе инокамъ“. Побесѣдовавъ еще нѣсколько, блаженный и человѣкъ тотъ разошлись по своимъ мѣстамъ. Что же была за причина посѣщенія Синомомъ противоположнаго берега въ такое необыкновенное время и при такихъ чудесныхъ обстоятельствахъ? ..

А вотъ что. Подвижникъ Юрьевецкій, любя глубокую пустыню и уединеніе, хотя и не переставалъ подвизаться на поприщѣ юродства, началъ однако же часто посѣщать вышесказанный боръ, находившійся на лѣвомъ берегу рѣки Волги. Мѣстность была по-истинѣ уединенная, располагающая боголюбивую душу подвижника, оставивъ земныя попеченія, вознестись просвѣщеннымъ благодатию умомъ къ Предвѣчному Свѣту. Вотъ здѣсь-то, босой, въ одной изодранной рубашкѣ до колѣнъ, въ сильнѣйшій трескучій морозъ, стоя на снѣгу одинъ среди густаго бора, незримый никѣмъ, кромѣ Всевидящаго Бога, съ теплыми слезами и воплемъ крѣпкимъ, Симонъ возсылалъ многомилостивому Богу моленіе о себѣ и прочихъ православныхъ христіанахъ. Зимой по льду и снѣгу, лѣтомъ по водѣ, какъ бы по суху, святой не переставалъ посѣщать боръ и излюбленное имъ мѣсто. Знали ли объ этомъ Юрьевецкіе жители—съ достовѣрностію сказать нельзя. Но вѣроятно, не смотря на всѣ старанія блаженнаго сокрыть свои молитвенные подвиги отъ любопытныхъ глазъ, это было извѣстно, потому что многіе изъ гражданъ въ холодныя зимнія утра, видали слѣды босыхъ ногъ шедшихъ отъ города по направленію къ Заволжскому бору. И вотъ въ нѣкоторя изъ лѣтнихъ чудесныхъ путешествій по водамъ Симонъ былъ замѣченъ, и подвигъ его, сопровождаемый такими чудными обстоятельствами, сдѣлался извѣстенъ по кончинѣ святаго, такъ же какъ сбылось и самое предсказаніе объ устроеніи монастыря.

Симонъ приближался уже къ своей блаженной кончинѣ. Однажды зашелъ онъ въ домъ новаго Юрьевецкаго воеводы Феодора Петелина и велъ себя тамъ повидимому неприлично. Гордый

воевода вышелъ изъ себя. Онъ своими руками билъ Симона, приказывалъ бить его и слугамъ, которые, исполняя приказаніе господина, избили раба Христова до полусмерти. Еле живой стащенъ онъ былъ въ подвальное жилье воеводскаго дома и брошенъ тамъ безъ всякаго призора. Чувствуя же, что онъ не встанетъ отъ одра болѣзни, Симонъ попросилъ одного воеводскаго слугу сходить за священникомъ. Просьба его была исполнена. И вотъ Симонъ, въ послѣдній разъ причастившись св. Христовыхъ таинъ, началъ еще сильнѣе изнемогать. Вся жизнь его была рядомъ лишений и страданій,—таковъ же былъ и послѣдній часъ его. Готовясь предать душу свою въ руки Божіи, онъ могъ сказать съ апостоломъ: *теченіе скончахъ, втру соблюдохъ, прочее убо готовится мнѣ вѣнецъ правды*. Наконецъ, 4 ноября 1584 г. чистая душа юрдываго возлетѣла въ сладостныя райскія обители.

О кончинѣ блаженнаго было сказано воеводѣ. И вотъ гордый вельможа, откинувъ всю высоту своего званія, отправился въ подвалъ, гдѣ лежатъ уже мертвымъ св. Симонъ. Увидѣвъ преставившагося, Петелинъ, справедливо сознавая себя виновникомъ смерти блаженнаго, съ горькимъ раскаяніемъ и слезами припалъ къ тѣлу его, издававшему нѣкое чудное благоуханіе, и просилъ себѣ отпущеніе грѣха. Тихъ и необыкновенно кротокъ былъ ликъ блаженнаго. Онъ какъ бы говорилъ всѣмъ и каждому, что, по заповѣди Христа Спасителя, прощаетъ своихъ убійцъ, доставившихъ ему вѣнецъ мученика. Между тѣмъ воевода своими руками положилъ тѣло мученика во гробъ, созвалъ все духовенство г. Юрьевца и съ великою честію, при многочисленномъ стеченіи народа, спѣшившаго воздать послѣднее поклоненіе праведному мужу, блаженный былъ погребенъ въ любимой имъ Богоявленской обители.

Съ великою любовію притекали люди благочестивые къ могилѣ праведника. Тамъ, по его молитвамъ, совершались дивныя дѣла. Такъ, не прошло еще и 26-ти лѣтъ со дня кончины блаженнаго, какъ отъ гроба его стали истекать исцѣленія. Такъ,

одной болящей женщиной Соломоніи явившейся Симонъ даровалъ совершенное исцѣленіе. Было не мало и другихъ врачеваній, поданныхъ блаженнымъ Симономъ притекавшимъ къ нему съ вѣрою. Нельзя не сказать объ одномъ поразительномъ событіи, случившемся уже по блаженной кончинѣ Христа-ради юрдываго. Это было въ 1666 г. наканунѣ 28 іюля. Вечеромъ, а также и въ самый день событія, многіе жители Юрьевца видѣли какого-то человѣка, стоявшаго на Соборной горѣ съ воздѣтыми къ небу руками. Сойдя съ горы, неизвѣстный никому изъ гражданъ человѣкъ этотъ, взшедши въ храмъ Богородицы, съ горькими слезами молился предъ ея иконою. Кончилось утреннее богослуженіе, и странный незнакомецъ, вышедши на церковную паперть, пристально смотрѣлъ въ одну сторону. И вотъ въ этой сторонѣ вскорѣ начался пожаръ. А незнакомецъ при этомъ говорилъ что-то такое, чего не могли разобрать посторонніе, и горько плакалъ. Потомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ,—то тамъ, то здѣсь—видѣли его плачущимъ. Наконецъ, нѣкоторые видѣли его вошедшимъ въ Богоявленскій монастырь, и тамъ онъ сдѣлался невидимымъ. Явившейся былъ Симонъ. И, конечно, только по молитвамъ святаго была пощажена нѣкоторая часть Юрьевца отъ огня, истребившаго едва не весь городъ,—пощажена какъ бы для того, чтобы дать возможность жителямъ пріютиться гдѣ-либо послѣ страшнаго несчастія. Такъ молитвами своими блаженный покрывалъ возлюбленный свой градъ!...

Въ 1619 г., при устройствѣ въ Богоявленскомъ монастырѣ новой церкви, могила блаженнаго прилась какъ разъ противъ праваго клироса, уже внутри храма. Чтобы оградить мѣсто покоя блаженнаго отъ неблагоговѣйнаго попраанія ногами, тогда же была сдѣлана деревянная гробница надъ нимъ и устроенъ ходъ подъ церковь, гдѣ погребенъ святой. Число почитающихъ угодника Божіи увеличивалось. Усердіе и вѣра въ его благодатную помощь сильнѣе и сильнѣе укрѣплялись въ народѣ, и по вѣрѣ приходящихъ, скорый на умоленіе и помощь почитающимъ его,

блаженный Симонъ вознаграждалъ притекавшихъ къ нему совершеніемъ различныхъ чудесъ. Богоявленскій игумень Діонисій, считалъ священною своею обязанностию о чудесахъ и жизни блаженнаго Симона донести всероссійскому патріарху Іоасафу. Прошло нѣсколько времени. Гробница праведника обветшала и требовала возобновленія. Между тѣмъ патріархъ ничего не отвѣчалъ на донесеніе игумена, тогда какъ граждане требовали немедленно возобновленія ветхой гробницы. Діонисій колебался. Онъ не зналъ, дожидаться ли отвѣта святителя, или, уступивъ настоятельному требованію богомольцевъ—гражданъ, приступить къ сооруженію новой гробницы. Уже призваны были и мастера, готовые приступить къ работамъ, какъ въ это время получена грамота патріарха, благословлявшаго писать иконы блаженнаго и почитать его, какъ и другихъ святыхъ, угодившихъ Господу, совершая въ честь его всеобщія бдѣнія и молебны. Это разрѣшеніе патріарха было настоящимъ праздникомъ какъ для обители, такъ и для всего Юрьевца съ его окрестностями. Это произошло уже въ 1635 г. Первое время, послѣ того какъ блаженный Симонъ причтенъ былъ къ лику святыхъ, до 1666 г. служба ему совершалась по общей минеѣ; въ означенный же годъ была составлена отдѣльная служба, въ честь его совершавшаяся до 1722 г. Въ этомъ году Птиримъ, архіепископъ Нижегородскій и Алатырскій, въ составъ епархіи коего входилъ тогда и Юрьевецъ,—посѣтилъ этотъ городъ. Обозрѣвая городскіе храмы, Птиримъ былъ и въ Богоявленской обители. Здѣсь онъ обратилъ свое вниманіе на гробницу блаженнаго и устроенный ко гробу Симона сходы въ палатку подъ церковью. Не зная ни жизни, ни чудесъ угодника Христога, ни грамоты, коей патріархъ Іоасафъ причелъ Симона къ лику святыхъ, архіепископъ велѣлъ разобрать гробницу, самъ запечаталъ дверь, ведущую къ гробницѣ, своею домовою печатью и приказалъ вмѣсто бдѣнія и молебновъ совершать по блаженномъ панихиды; а для разслѣдованія дѣла о блаженномъ Симонѣ онъ взялъ съ собою рукопис-

ное житіе святаго. Неизвѣстно, что сдѣлалъ онъ съ нимъ и доносилъ-ли Синоду о Симонѣ.

Впослѣдствіи, въ 1741 г., производилось снова слѣдствіе по дѣлу о блаженномъ Симонѣ, по Синоду не постановилъ никакого рѣшенія, и палатка съ гробомъ святаго оставалась закрытою для всѣхъ. Гробницу блаженнаго можно было видѣть только въ небольшое окно изъ часовни, устроенной въ связи съ Богоявленскою церковью. Въ настоящее время открытъ свободный доступъ къ гробницѣ для всѣхъ желающихъ. Рака угодника обновлена, поверхъ раки лежитъ кипарисная икона въ ризѣ, представляющая блаженнаго со сложенными на персяхъ руками. Память святаго высоко чтится окрестными жителями. Онъ для нихъ заступникъ и молитвенникъ предъ Богомъ. Богоявленская церковь, подъ которой погребенъ онъ, извѣстна болѣе подъ именемъ „церкви блаженнаго Симона“. Нерѣдко также можно встрѣтить у многихъ иконы съ изображеніемъ св. Симона какъ въ домахъ, такъ и въ храмахъ.

Заклучимъ наше повѣтствованіе о блаженномъ слѣдующими словами писанія; *до вѣка пребудетъ память его, и слава его не потребится: тѣло его въ миръ погребено, а имя будетъ жить въ роды* (Сир. 44, 12, 13).

Троице-Сергіева Лавра.

II. Алексій Воскресенскій.

Обновленіе чудотворной иконы Нерукотвореннаго образа Спасителя, находящейся въ Спасо-Запрудненской ц. гор. Костромы. Въ Спасо-Запрудненской церкви г. Костромы находится древняя чудотворная икона—Нерукотворенный образъ Спасителя, чтимая не только въ Костромѣ, но и въ окрестностяхъ ея. Отъ времени, вслѣдствіе наслоенія пыли, копоти, а также лаку и масла, которыми она была неоднократно покрываема, ликъ Спасителя на ней потемнѣлъ до того, что едва можно различить очи и брови; браны